

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.025

УДК 929 Наполеон (44)*1 + 94(477)“1812” + Украинский католический университет
+ 355(44)“1799/1815”

В. В. Ададуrow

Львов, Украина

МАЛОРОССИЯ *VERSUS* НАПОЛЕОН В 1812 Г.

На основе эпистоляриев, мемуаров, а также публицистики эпохи 1812 г., почерпнутых в том числе из архивов Франции и Германии, рассматривается отношение населения так называемых «малороссийских губерний» — Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Полтавской и Слободско-Украинской — к вторжению Наполеона. Методом документальной деконструкции доказана необоснованность характерного для отдельных представителей украинской историографии мифологического утверждения о наличии профранцузских настроений среди представителей духовенства, дворянства и крестьянства Малороссии, якобы питавших надежду на автономию либо независимость. Особое внимание уделено критическому переосмыслению хрестоматийных примеров вольнодумия местных элит — принесению верноподданной присяги Наполеону уроженцем Малороссии архиепископом Могилевским Варлаамом Шишацким и провозглашению тоста за здоровье французского императора полтавским помещиком Василием Лукашевичем, которые рассмотрены в более широком контексте подобных социокультурных практик. Отдельно проанализированы художественные образы, созданные в поэтических сочинениях малороссийских дворян, нарочито имитировавших язык простого народа с целью акцентировать специфический характер (верноподданный, но в то же время привилегированный) взаимодействия этих потомков казацкой старшины с царским престолом. В реальности отношение низов общества к войне с Наполеоном было гораздо более сложным, в его основе лежало основанное на социальной памяти о казацких вольностях желание избавиться от помещичьего гнета и административной регламентации, но реализовывалось оно не через симпатию к Наполеону, а наоборот — показательное участие в борьбе с французским нашествием в надежде принять волю из рук благодарного царя. Отсутствие в этом этнически специфическом регионе Российской империи общественных групп, организаций и даже отдельных лиц, ориентированных на сотрудничество с Францией, было следствием всеобщих страхов перед возможным возобновлением Речи Посполитой, негативного восприятия западной модели общественного устройства, а также влияния религиозно-консервативного фактора. На роль последнего указывает впервые вводимый в научный оборот визуальный источник — икона из храма села Белозерка с сюжетом распятия Христа французами 1812 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Наполеон; Малороссия; губернии; дворянство; крестьянство; историография; миф; казацкие вольности; царь; социальная память; верноподданная присяга; тосты; визуальный источник.

Ц и т и р о в а н и е: Ададуrow В. В. Малороссия *versus* Наполеон в 1812 г. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 53–68.

Поступила в редакцию 25.03.2019

Принята к печати 18.04.2019

Vadym V. Adadurov

Ukrainian Catholic University
Lviv, Ukraine

LITTLE RUSSIA *VERSUS* NAPOLEON IN 1812

Referring to epistolary works, memoirs, and political essays of 1812 taken mostly from archives of France and Germany, the author considers the attitude of the population of the five so-called “Little Russian provinces”, i.e. Kyiv, Chernigiv, Novgorod-Siverskyi, Poltava, and Sloboda Ukraine to Napoleon’s invasion. Relying on the method of documentary deconstruction, the author proves the inconsistency of the mythological assertion (which finds some support in Ukrainian historiography) about the presence of pro-French sentiments among the representatives of the clergy, nobility, and peasantry of Little Russia, who allegedly hoped for autonomy or independence. The author pays close attention to the critical reconsideration of textbook examples of the libertinism of local elites, such as oaths to Napoleon by the archbishop of Mogilev Varlaam Shishatsky and a toast to the health of the French Emperor by landowner Vasyly Lukashevych from the government of Poltava which are considered in the broader context of similar sociocultural practices. In addition, the author separately considers the artistic images created in the poetic works of Little Russian nobles, who deliberately imitated the language of ordinary people to emphasise the specific character of the interaction (loyal, but at the same time privileged) of the descendants of Cossack officers with the throne. In reality, the attitude of the lower classes towards the war with Napoleon was much more complex. It was based on the social memory of Cossack liberties, the desire to get rid of the landlord’s oppression and administrative regulation. However, the attitude was not realised through sympathy for Napoleon, but, on the contrary, through demonstrative participation in the struggle against the French invasion in the hopes of drawing the attention of a grateful tsar. The absence of social groups, organisations, or even individuals focused on cooperation with France in this ethnically specific region of the Russian Empire was a consequence of the widespread fears of a possible return to the Polish-Lithuanian Commonwealth, the negative perception of the Western model of social order, and the influence of the religious-conservative factor. The role of the religious factor is shown in the attempt to introduce a new visual source, i.e. an icon from the church of the village of Belozerka depicting the crucifixion of Christ by the French in 1812.

Keywords: Napoleon; Little Russia; provinces; nobility; peasantry; historiography; myth; poetry; Cossacks’ liberties; tsar; social memory; oath; toasts; visual source.

Citation: Adadurov, V. V. (2019). Malorossiiia *versus* Napoleon v 1812 g. [Little Russia *versus* Napoleon in 1812]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 53–68.

Submitted on 25 March, 2019

Accepted on 18 April, 2019

Осень 1812 г. стала апогеем распространяемого французской пропагандой образа «Европейского континента, объединенного под стягами императора

Наполеона для того, чтобы воевать с Россией, его естественным врагом» [GSPK, S. 65г.]. Одной из примечательных черт этого воображаемого образа, главными творцами которого являлись сам Наполеон и фактический глава его пропаганды министр внешних сношений Юг-Бернар Маре, было противопоставление «сплоченности» европейцев «разобщенности» подданных русского царя:

Со всех сторон нам доносят, что рекрутский набор и всеобщее вооружение в российских провинциях имеет весьма посредственный успех. Крестьяне далеки от того, чтобы разделять энтузиазм, который пытаются разжечь правительственные воззвания, а запоздалая мера, которой является создание ополчения, не удалась вовсе [Ibid., S. 66v.].

Во многом умозрительное, не подкрепленное не только достоверными данными разведки, но и сколько-нибудь адекватными представлениями о социальном пространстве Российской империи, вышеупомянутое противопоставление основывалось на, казалось бы, рациональном расчете Наполеона, что покоренные русскими этносы и культуры захотят получить толику свободы и вкусить благ западной цивилизации. Как подчеркивал состоящий в русском походе при особе императора в качестве его личного переводчика и начальника военной разведки польский дивизионный генерал Михал Сокольницкий, «они едва терпят гнет и позор, в которых их держит этот последний [русский народ]», вследствие чего благодарно примут свободу из рук Наполеона, восславив в веках имя и деяния своего Великого Освободителя [AD, f. 216].

Однако неожиданно оказалось, что даже вид разоренной Москвы, этого символа российского имперского начала, не только не пробудил в «варварах» желания воли, но и вызвал их озлобление против французского «Антихриста» и «Супостата», который мог предложить им по крайней мере три свободы — национальную, гражданскую и религиозную, однако все эти свободы оказались чуждыми их мироощущению и чаяниям.

Показательным примером несоответствия пропагандистского дискурса французских властей реальному состоянию дел были так называемые малороссийские губернии (Киевская, Черниговская, Новгород-Северская, Полтавская, Слободско-Украинская), в которых, по мнению французского историка украинского происхождения Аркадия Жуковского, первоначальные успехи Наполеона в 1812 г. оказали весьма слабое влияние на сознание и поведение как верхов, так и низов общества [Joukovsky, p. 57]. Тот факт, что ни один из дошедших до нас источников информации французского правительства об этом регионе¹ не был составлен местным уроженцем, не должен вызывать удивления, ибо в эпоху Наполеоновских войн малороссийское дворянство преданно служило царскому престолу, не помышляя об отделении от Российской империи. Наоборот, оно неистово ненавидело и боялось Наполеона, считая его «исчадием» Французской

¹ См. обзор текстов, послуживших источниками представлений правительства и военного командования Французской империи о юго-западной части Российской империи, в работе [Ададуrow, 2018, с. 85–94].

революции, которая приводила его в ужас своими лозунгами «свободы, равенства и братства». Парадоксальность ситуации состояла в том, что малороссийские дворяне, являвшиеся потомками казацкой старшины, вознесенные царской милостью на вершину имущественного и общественного положения, быстро запамятовали о казацких вольностях, упраздненных Россией, и вспоминали о них лишь тогда, когда хотели упрочить привилегированное положение своего сословия. О «ненависти к Наполеону» отпрыска последнего украинского гетмана, князя Андрея Разумовского, исследователь его эпистолярного наследия писал, что она «уже давно являлась главным рычагом его политической деятельности» [Васильчиков, с. 308]. В 1812 г. предводитель дворянства Полтавской губернии граф Дмитрий Трошинский настолько близко принял к сердцу дело спасения России от французского нашествия, что провозгласил себя «сыном Отечества» и призывал в своих письмах главнокомандующего Михаила Кутузова совершить «патриотический подвиг» [Народное ополчение..., с. 432–434]. Еще один царедворец — граф Виктор Кочубей — в переписке с генерал-губернатором Новороссийского края, французским эмигрантом Эммануилом де Ришелье, называл Бонапарта «Дьяволом, которого породил ад» и предостерегал своего корреспондента «от махинаций и провокаций со стороны поляков» [Герцог Арманд-Эммануил Ришелье, с. 72].

Стереотипное и далекое от истины представление о том, что все поляки, являвшиеся подданными России, были тайными сторонниками Наполеона, сыграло немаловажную роль в формировании среди малороссийского дворянства негативного отношения к Франции, в которой оно видело великую державу, стремящуюся к восстановлению Польши в ее прежних пределах. Зафиксированные в глубинах этнической памяти воспоминания о кровавых конфликтах украинского казачества с Речью Посполитой поддерживали на уровне коллективной ментальности страхи, связанные с возможным возвращением Киевщины и левого берега Днепра под власть польской шляхты. Из-за этого психологического барьера появление в малороссийском дворянстве сколько-нибудь существенного числа искренних сторонников Франции было невозможным: отступники от обычной модели поведения (которую можно выразить в дихотомии «малоросс — хороший подданный России / поляк — плохой подданный России») воспринимались как предатели, утратившие всякое моральное право принадлежать не только к своему социальному кругу, но и к локальной, малороссийской общности. Более того, в лексиконе уважаемого общества, которым несомненно считали себя малороссийские дворяне, слово «поляк» часто являлось синонимом слова «революционер».

Не удивительно, что в 1812 г. российская администрация доверяла малороссам гораздо больше, чем полякам. В тот момент войны, когда возникло опасение, что войска Наполеона направятся к Киеву, тамошний гражданский губернатор Александр де Санти писал командующему резервной обсервационной армией Александру Торماسову, что «...землемеры здешней губернии — все малороссияне, в верности их не имею сомнения, кроме одного — и то только потому, что учился

он в Кременце (в лицее, основанном польским деятелем Тадеушем Чацким. — В. А.), поэтому держу его в Киеве. Хотя всех уездов карты, также и те, которые касаются почтовых дорог, хранятся в архиве города Киева, но при отступлении войск кое-кто из здешних дворян не преминет случаем предоставить неприятелю точные карты, которые имелись у них еще во времена Речи Посполитой» [Левицкий, с. 211].

Противопоставление патриотически настроенных дворян велико- и малороссийского происхождения взглядам «старых дворянских фамилий из поляков, между которыми было немало таких, которые утешали себя мыслию, что для России пробил последний час», — характерно и для воспоминаний Христофора Роммеля, профессора Харьковского университета [Роммель, с. 83].

Характеризуя отношение «украинской интеллигенции» (в понятиях исследуемого времени этот историографический конструкт соответствует малороссийскому дворянству) к войне 1812 г., украинские историки-«государственники» [Дорошенко, с. 288; Оглоблин, с. 307; Полонська-Василенко, с. 280–281] допускали возможность возникновения в ее среде глубокого идеологического расслоения, вплоть до возникновения двух политических лагерей: один из них придерживался пророссийской ориентации, другой, якобы, только и ждал, чтобы при помощи Наполеона если не избавиться от царского гнета, то, по крайней мере, добиться определенной политической автономии. Тезис о существовании второго лагеря обосновывался ссылками на несколько казусов, в первую очередь — похвальные отзывы отдельных малороссийских дворян в адрес Бонапарта и принесенную в Могилеве-на-Днепре тамошним православным архиепископом, уроженцем Черниговщины, Варлаамом (Шишацким) присягу на верность императору французов. Параллельно эту гипотезу поддержал известный популяризатор истории украинско-французских отношений Илько Борщак². Он сослался на опубликованные в 1930 г. историком-марксистом И. Троцким документы государственной администрации, касающиеся общественных настроений в малороссийских губерниях в начале XIX в. [Borschak]. Впервые о содержании упомянутых документов стало известно еще в начале XX в. [Павловский, 1903].

Мысль об идейной «рассеченности» населения малороссийских губерний в период Наполеоновских войн общепринята в современной украинской историографии. Даже такой яркий и нестандартно мыслящий ее представитель, как Володымыр Кравченко, возглавивший впоследствии Канадский институт украинских исследований, на примере братьев Капнистов утверждал, что в одной социальной среде сосуществовали ярые сторонники интеграции в Российскую империю как безальтернативной для преодоления экономического, инфраструктурного, образовательного отставания Украины (Василий, который в случае французской оккупации Малороссии намеревался начать партизанскую борьбу)

² См. подробнее наши документальные деконструкции исторического мифотворчества И. Борщака [Ададуров, 2010; 2014].

и романтические поклонники Наполеона (Николай, хотевший хлебом и солью встретить войска Наполеона). Однако, в отличие от приверженцев государственного подхода, Кравченко отметил, что «о деятельности организованной антироссийской оппозиции в Украине говорить не приходится» [Кравченко, с. 199–200].

При более тщательном рассмотрении свидетельств, на которых основана гипотеза об идейном расколе среди социальных верхов малороссийских губерний, становится очевидной сомнительность ее аргументов. Укажем, что случаи хвалебных высказываний представителей малороссийского социума в адрес Наполеона были зафиксированы в документах специально созданного для розыска крамолы «Особого комитета для рассмотрения дел, заключающих измену или нарушение общего спокойствия» не в 1812 г., а во время войны 1806–1807 гг. [Шандра, с. 82]. Несмотря на рвение упомянутого комитета, общее количество попавших в поле его зрения «малороссийских» случаев относительно невелико. Историки главным образом упоминают о тостах, произнесенных за здоровье Наполеона помещиком Переяславского уезда Полтавской губернии и отставным сотрудником Министерства иностранных дел России Василием Лукашевичем, спиче навеселе Якова Мочуговского, а также об угрозе Федора Гуцана повернуть оружие против «москалей». Лишь один из упомянутых персонажей — Лукашевич — принадлежал к малороссийскому дворянству, Мочуговский, вопреки утверждениям украинских историков-государственников, являлся зажиточным крестьянином Полтавской губернии, а Гуцан — отставным солдатом [Троцкий, с. 157]. Поэтому рассматривать последних лиц как представителей социальных верхов не только недопустимо, но и глубоко ошибочно.

Но стоит ли считать перечисленных персонажей идейно настроенными против России? Ни в 1812 г., ни тем более в 1807 г. царская администрация не расценивала подобные высказывания нетрезвых лиц как решающее доказательство их неблагонадежности. По поводу этого, теснейшим образом связанного с чрезмерным употреблением спиртных напитков, обычая критично отзываться про «гнусную российскую действительность» путем восхваления Запада (Наполеона) как главной внешней угрозы для нее московский генерал-губернатор Федор Ростопчин писал министру внутренних дел Александру Балашову:

Слово «вольность», на коей Наполеон создал свой замысел завоевать Россию, совсем в пользу его не действует. Русских проповедников свободы нет, ибо я в счет не кладу ни помешанных, ни пьяных, коих слова остаются без действия [Отечественная война, с. 69].

Тогдашняя культура тостования предполагала не только выражение определенных симпатий, но и чередующиеся упоминания часто противоположных персонажей, т. е. за тостом за Наполеона как храброго генерала вполне мог следовать тост за императора Александра, а произносившие их лица дворянского звания обычно не подвергались наказанию [Линдемманн, с. 248]. Между высказанной в нетрезвом состоянии похвалой Наполеону и реальной антироссийской деятельностью существовала огромная мировоззренческая пропасть, которую

в 1812 г. по собственной воле не преодолел ни один представитель малороссийского дворянства. Общеизвестно, что в 1812 г. упомянутый Лукашевич, в то время являвшийся маршалком (предводителем) уездного дворянства, выступил в качестве одного из организаторов казачьих формирований на службе России, он же пожертвовал на борьбу с Наполеоном немалые средства. Понять разительное отличие между речами и поступками переяславского помещика весьма несложно: одно дело, когда Наполеон существует где-то далеко и представляется романтическим примером успешного жизненного пути для любого просвещенного юноши (позже Лукашевич признавался, что, «проживая на свободе в достатке, предавался тому брожению разума, которое без путеводителя для молодых лет свойственно» [Павловский, 1910, с. 198, 204]), другое — когда он рядом и угрожает общественно-политической системе, гарантирующей благополучие дворянского сословия.

Обстоятельства принесения Варлаамом (Шишацким) присяги Наполеону воспроизведены с удивительной четкостью в таком неиспользованном до сих пор историками источнике, как воспоминания французского штабного офицера Анатоля Раймона Монтескье де Фезенсака. Прибыв в Могилев в воскресенье 26 июля 1812 г., Фезенсак стал невольным свидетелем интересного диалога, имевшего место между маршалом Луи-Николя Даву и могилевским архиереем. Услышав во время литургии, что Варлаам и прежде совершал молитву за русского царя, французский военачальник рекомендовал ему признать своим властелином императора Наполеона и заменить именем последнего упоминание императора Александра во время публичных богослужений. По этому поводу он припомнил ему слова из Евангелия, что нужно «отдать кесарю кесарево», добавив, что кесарем следует считать того, кто сильнее. Архиепископ обещал следовать этой указке; но сделал это тоном, свидетельствующим, что он мало согласен с этим [Montesquiou de Fesensac, p. 22].

Это уникальное свидетельство очевидца позволяет усомниться во мнении, что Варлаам, присягнув Наполеону, действовал как сознательный украинский автономист. Вполне очевидно, что мотивы его поступка состояли в спровоцированной обстоятельствами необходимости найти *modus vivendi* с новой властью, а не в приписанной православному иерарху начала XIX в. национально-сознательными историками XX в. идейной оппозиционности к России лишь по факту его происхождения «из малороссийских поселян» [Акты..., с. 245]. «Казус Шишацкого» ни по своей сути, ни по влиянию на настроения общества не может считаться антитезисом к общим настроениям и поведенческим стратегиям малороссийской элиты, отобразившимся в антинаполеоновских речах и особенно действиях сотен представителей этой общественной группы (напомним, что значительная часть личного состава офицерского корпуса русской армии происходила из дворянства именно этого региона) [Потрашков, с. 210–212].

Предполагаемый историками идейный раскол среди малороссийской элиты имеет смысл лишь в том случае, если к сторонникам России причислить 99 % лиц дворянского и духовного сословий, а к противоположному лагерю — 1 %,

к тому же заполнив последний процент за счет открыто проявивших себя в войне 1812 г. идейными приверженцами Франции польских помещиков не из малороссийских, но правобережных губерний (в том числе наиболее часто упоминаемого в этой связи вольнского шляхтича Михала Глембоцкого, который, «хотя войска Наполеона уже ушли из России, безпрестанно собирался на войну, на помощь великому Наполеону, но сам-то он мог едва двигать ногами [от старости]» [Чайковский, с. 47]). В единичном французском свидетельстве речь идет о том, что накануне кампании маршал Николя Удино нанял в Париже (!) в качестве курьера и переводчика *le cosaque ukrainien*, сопровождавшего его в боях под Полоцком, в Смоленске, во время переправы через Березину. Однако 7 декабря под Вильной казак, у которого, согласно свидетельству гренадера Франсуа Пильза, были обморожены ноги, отказался продолжать отступление со свитой французского маршала [Pils, p. 158].

Поскольку документальных свидетельств о контактах представителей «украинской элиты» с Наполеоном и его окружением не существует, рано или поздно их должны были «изобрести» ревнители мифологического взгляда на историю. Член Организации украинских националистов Павло Штепа без ссылки на источник информации заявил, что потомок старинного казацкого рода, уполномоченный малороссийского дворянства генерал Виктор Закревский накануне войны 1812 г. осуществил поездку в Варшаву, где пытался найти поддержку со стороны императора проекту похода в Украину. Преданный коварными поляками, не желавшими допустить создания независимого украинского государства, Закревский якобы был сослан по возвращении в Сибирь [Штепа, с. 3]. Наверное, отставной гусарский ротмистр, любитель выпивки и бурных застолий В. Закревский, которому в 1840-е гг. взбрело на ум основать так называемое «Общество мочемордиев» (т. е. тех, кто любил промочить горло спиртным), членство в котором не выходило за рамки типичных для России помещичьих развлечений (как, например, уже упомянутое провозглашение в узком кругу вольнодумных тостов), был еще тот интриган, поскольку в момент приписанного ему П. Штепой проведения переговоров в Варшаве ему едва исполнилось... пять лет. Безусловно, в этом случае имеем дело с характерным для украинского национального гранд-нарратива приемом построения непрерывной традиции борьбы народа и его элиты за независимость, для чего эпоха после упразднения гетманского правления в 1764 г. искусственно объединяется с временем культурного возрождения, начавшегося в 30-е годы XIX в. [Плохий, с. 268, 392].

Гипотеза про раскол так называемой «украинской элиты» на два лагеря — пророссийский и профранцузский — не находит доказательств и в свидетельствах очевидцев. Описывая настроения зажиточных покупателей на Роменской ярмарке (Полтавская губерния) в июле 1812 г., ростовский купец Иван Маракуев указал, что известие о победе корпуса генерал-лейтенанта Петра Витгенштейна «сильно обрадовало публику». В августе, находясь на ярмарке в Харькове, купец напротив отмечал «умножение всеобщего уныния» при новости о продвижении Наполеона к Смоленску:

Малороссийская чернь с внутренним удовольствием принимала успехи французов; в ней еще не угас крамольный дух польский; но дворяне не отделяли себя от нас (т. е. русских. — В. А.), и мыслили, и действовали, как истинные дети одного отечества [Маракуев, с. 113, 115].

Сильные социальные противоречия между малороссийскими простолюдом и новым (самопровозглашенным и признанным Россией) дворянством тревожили представителей последнего гораздо больше, чем констатация факта, что «народ не любит россиян, от коих различествует наречием, обычаями и нравами». Эта классовая тревога красной нитью проходит через составленный накануне военной кампании 1812 г. меморандум подполковника Петра Чуйкевича командующему Первой западной армией Михаилу Барклаю-де-Толли. Отпрыск старшинского рода отмечал:

...сей край, в коем ненависть народа к дворянству очевидна, может быть возмущен. Сие бедствие может исполниться в случае принуждения наших войск к отступлению на левый берег Днепра пред оружием неприятельским. В нынешних обстоятельствах правительство не должно ослаблять своего надзора над Малороссию [Чуйкевич, с. 205, 209].

Автор записки советовал опереться на малороссийское дворянство, обеспечив его преданность новыми привилегиями (например, на сооружение винокуренных заводов) и запретом крестьянам переезжать в другие губернии, особенно на Кавказ.

Верноподданные настроения малороссийского дворянства дали российскому командованию надежду на отражение вероятного наступления противника на южном направлении. 10 (22) августа начальник главного штаба Первой западной армии генерал-майор Алексей Ермолов советовал Александру I «обратить внимание <...> на Малороссию»:

Там тысячи готовых казаков, лучшей по свойству тамошних жителей кавалерии, <...> множество оставивших службу офицеров, готовых пролить кровь свою за Государя, под скипетром коего они блаженствуют [Сборник..., с. 416].

О том, что надежды эти были не лишены оснований, свидетельствует оценка, которую дал 23 октября (4 ноября) 1812 г. поведению малороссийского дворянства сам царь. Он был весьма доволен тем, что в то время, когда дворянство других частей империи предоставило, согласно положениям императорского указа, по одному крепостному с пятидесяти душ для рекрутского набора и одного из десяти в ополчение, то малороссийские дворяне, стремясь изъяснить свою исключительную преданность России, «по единому усердию предоставили армии вместо рекрут то же число всадников на собственных лошадях» [Там же, с. 112].

В военных донесениях о набранных в Малороссии казачьих полках встречаются жалобы на неудовлетворительную подготовку этой «кучи мужиков», их скверное вооружение, слишком юный возраст многих «охочекомонных»,

однако не на их неблагонадежность или желание перейти на сторону противника [Двенадцатый год, с. 248, 257]. Более того, наблюдая за рвением 12–13-летних казачков, генерал-лейтенант Федор Эртель распорядился обучать их военному ремеслу [Там же, с. 267].

В случаях, когда не действовали неписанные правила сословной солидарности дворянской элиты в признании Наполеона агрессором, а именно — в отношении к нему нижних слоев общества, вопрос о том, чью сторону следовало принять, часто решался через религиозную идентичность и основанное на ней ощущение социокультурной общности, единого отечества во главе с православным царем. Прусскому офицеру на службе Варшавского герцогства Генриху фон Брандту глубоко врезались в память последние слова умиравшего у него на руках солдата русской армии, говорившего «на малороссийском наречии»:

Вы — смелые люди, но ваш царь должен быть плохим человеком. Что сделал ему наш царь? Чего ищет он в нашей отчизне? Поднимайся, свята Русь, обороняйся, защищай нашу веру, нашего царя! [Brandt, p. 258].

Это заявление показало автору свидетельства, насколько наивным было упование участников похода в Россию на то, что ее народы поднимут восстание и завершат начатое ими дело уничтожения царской империи. Наихудшие предчувствия Г. фон Брандта мог подтвердить малороссийский дворянин и офицер русской армии Иван Котляревский, который, формируя в Полтаве казацкие части, свидетельствовал, что «преимущественно поступают в казаки с удовольствием, охотно и без наименьшего сожаления» [Український народ..., с. 11]. Причиной такого энтузиазма явилось чаяние потомков казаков заслужить освобождение от крепостной зависимости. Именно заслужить верой и правдой, а не завоевать волю путем восстания. После войны энтузиазм сменился всеобщим разочарованием, да и только.

В свое время известный украинский литературовед и политический деятель Сергей Ефремов обратил внимание на то, что в обширном фольклоре едва ли можно обнаружить несколько упоминаний о войне 1812 г., при чем даже в тех четырех или пяти поэтических произведениях, которые ученый записал во время этнографических экспедиций по Киевщине, невозможно встретить благожелательных отзывов о французах. Исходя из этого этнографического материала, ученый пришел к выводу, что простой народ остался полностью равнодушным к этой войне, которая «ничем его не затронула», «не стала близкой и родной», в отличие, скажем, от восстания Хмельницкого, «окруженного чрезвычайным пиететом» [Ефремов, с. 268]. Этот близкий к методологическому подходу современной культурно-антропологической истории аргумент позволяет даже более явственно, чем акты царской полиции, уяснить, почему французское командование не могло рассчитывать на помощь коренных жителей малороссийских губерний, в коллективных представлениях которых Наполеон, в отличие от поляков, не был ни «Великим Героем», ни тем более «Освободителем», а потому не стал популярным персонажем народных дум.

В противовес этому «молчанию» низов впечатляет настоящий «крик» проимперски настроенной дворянской литературы. Написанные как на русском, так и на украинском языках, эти печатные поэтические сочинения нередко имитировали наречие низов общества, чтобы создать иллюзию всенародной поддержки режима: «Є в нас батько царнашіший <...>, мы божылись для його <...>, колы треба боронити / Руського царя свого» [Киселев, Васильева, с. 110].

Как в процитированной «Оде малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году» Петра Данилевского, так и в «Оде, сочиненной на малороссийском наречии по случаю временного ополчения» Григория Кошиц-Квитницкого, «Песнях» Петра Калайдовича и Ивана Кованько, одах и стихах Василия Капниста³, анонимных «Мыслях украинского жителя о нашествии французов (малороссийская ода)», — высмеивались Наполеон, его союзники поляки, в противовес которым всячески превозносилась мысль о религиозном, социальном и политическом единстве Российской империи перед внешней угрозой [см.: Украинская литература..., с. 62].

С хронологически наиболее ранним из этого ряда антинаполеоновских произведений — анонимным памфлетом под названием «Стихи Твердовскаго» — мы познакомились, изучая в фонде «Первая империя» Национального архива Франции небольшую подборку захваченных в 1812 г. российских публикаторов [AN, f. 308–325], из которых французы могли узнать, между прочим, о недружественном отношении к ним населения Малороссии. Впоследствии мы изложили свой анализ механизма и контекста социального производства этого текста [Ададуrow, 2012], не лишённого определённого интереса для исследователя имперских идентичностей.

Сюжетная линия памфлета разворачивается вокруг представленной российской пропагандой в качестве блестящей виктории полководца Леонтия Беннигсена под Пултуском 26 декабря 1806 г. (по н. ст.), хотя на самом деле побеждены были россияне, отступившие и оставившие поле сражения противнику [Беннигсен, с. 97–99]. Из этого следует, что уровень информированности автора, повествующего в сатирической форме как «чванько, розбійник і бурлака»

³ В составленной 28 октября 1812 г. (по ст. ст.) оде на пожар Москвы некогда слышавший последним «паладином казацкой вольницы» [см.: Дашкевич] Василий Капнист выразил эмоции человека, который в полной мере ощущал себя патриотом российской отчины:

О, какая горесть грудь мою пронзила,
Лишь узнал я древнерусскую столицу,
Что главу над всеми царствами вносила
И, простря со скиптром мощную десницу,
Жребий стран решала сильных, отдаленных,
Как ее увидел я, предо мной лежашу,
На громаде пепла, среди сел сожженных,
Горесть ту несносно, сердце мне разящу,
Смертному не можно выразить словами!

[Капнист, с. 239].

Бонапарт удалился не солоно хлебавши (на самом деле Беннигсен столкнулся с маршалом Жаном Ланном), был обывательским, почерпнутым частично из официальных сообщений, частично — из слухов. Принимая во внимание колоритный украинский говор автора, нет оснований сомневаться в его малороссийском происхождении. Напечатанные с соизволения цензурного комитета «Стихи Твердовскаго» и добавленный к ним словарь являются доказательством употребления в литературе Российской империи украинского языка. В тексте угадываются несколько фольклорных топосов (например, изображение Бонапарта в качестве похитителя скота); эта словесная грубость была обычным явлением для поэзии той эпохи и напоминает стиль поэмы «Малороссийская Энеида» (1798) уже упомянутого И. Котляревского.

Предположительно, основными мотивами написания и издания памфлета были: 1) желание автора ощутить свою причастность к событиям исторического масштаба путем засвидетельствования собственной гражданской позиции, а также 2) его намерение угодить правительству, со стороны которого, очевидно, существовал запрос на подобное проявление общественной поддержки. О последнем свидетельствует соединение в одном издании двух сочинений похожего содержания, написанных будто бы от имени различных граждан с окраин империи (уральского горняка и черноморского казака). Автор «Стихов Твердовскаго» вряд ли был казаком, скорее всего — малороссийским дворянином, проживавшим в Санкт-Петербурге и писавшим под псевдонимом. В его сочинении весьма отчетливо отразились представления и настроения дворянского сословия. Примечательно, что в сознании автора романтический образ запорожца сохраняет значимость в качестве метафоры защитника православного Отечества, но речь идет уже не об Украине, а обо всей империи, а от бунтовщика-сечевика больше не остается и следа — его место занял преданный защитник царского престола, готовый встать твердыней человеческого духа (отсюда и псевдоним) на пути французской угрозы. Более того, автор «Стихов Твердовскаго» не скрывает своей отрицательной оценки польских инсургентов, изображая как авантюру восстание Тадеуша Костюшко, в котором, очевидно, видел заслуживающую всяческого порицания противоположность к верноподданной позиции черноморских (бывших запорожских) казаков во главе с атаманом Кулишом (Захарием Чепигой [Фролов, с. 96]), принявших участие в действиях против повстанцев в составе российской армии. Сомневаться в искренности чувств автора памфлета по поводу победы (пускай даже фиктивной) над Бонапартом не приходится: после чтения текста остается тонкое послевкусие авторского настроения, отображающего твердые жизненные убеждения человека, насмехающегося с высоты своих идеалов над комической, в его представлении, фигурой Наполеона.

Универсальный социальный характер неприятия альтернативы, предлагаемой вторжением Наполеона, иллюстрирует интерпретация библейского сюжета Страстей Господних, созданная в 1812 г. нехитрым воображением анонимного провинциального иконописца для храма села Белозерка, населенного потомками

казаков. Вместо иудеев, скорбящих за распятым на кресте Иисусом, художник изобразил запорожцев, а в роли его мучителей — не римских легионеров и даже не уничтоживших в 1775 г. сечь российских солдат, а французских военных⁴. Имеем ли мы здесь дело с эффективным примером религиозной пропаганды, осуществляемой через приходскую сеть православной церкви, или же, наоборот, с уникальным голосом снизу, звучащим из самых недр будто бы и угнетенного, но одновременно уже имперского по своему мировоззрению малороссийского общества? Наверное, правда лежит где-то посередине между крайними версиями: воображаемый образ символически объединил и сожаление о распятых казацких вольностях, и страх перед любыми изменениями, желание довольствоваться тем, что есть, лишь бы не стало хуже.

Источники

Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича / под ред. К. А. Военского. СПб., 1912. Т. 3. (Сб. Имп. Рус. ист. о-ва ; т. 139).

Беншигсен Л. Л. Записки о войне с Наполеоном 1807 года. 2-е изд. М. : Кучково поле, 2012.

Герцог Арманд-Эммануил Ришелье: Документы и бумаги о его жизни и деятельности 1766–1822. СПб., 1886. (Сб. Имп. Рус. ист. о-ва ; т. 54)

Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего Третьей западной армией генерала от кавалерии А. П. Тормасова / изд. Д. П. Ахлестышев. СПб. : М. М. Стасюлевич, 1912.

Капнист В. В. Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года октября 28 дня // Капнист В. В. Избр. произведения. Л. : Сов. писатель, 1973.

Линдемани Ф. Л. Волынская губерния в 1812 г. в мемуарах саксонского капитана / пер. з нім. і публ. С. Н. Хомченко // Минувле і сучасне Волині і Полісся. Вип. 41 : Україна та Волинь у наполеонівських війнах / упор. А. Силюк, О. Златогорський. Луцьк : Волинські старожитності, 2012. С. 247–248.

Маракуев М. И. Записки ростовца // Рус. архив. 1907. Т. 45. № 5. С. 107–129.

Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года : сб. документов / ред. Л. Г. Бескровный. М. : АН СССР, 1962.

Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) / сост. Н. Ф. Дубровин. СПб. : И. Глазунов, 1882.

Роммель Х. Пять лет из истории Харьковского университета / изд. Я. Балясный. Харьков : Унив. тип., 1868.

Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной Его императорского Величества канцелярии. Вып. 2 / под ред. Н. Дубровина. СПб. : Гос. тип., 1889.

Украинская литература против Наполеона / изд. Ю. Лабынцев, Л. Щавинская. М. : Деп-т культуры г. Москвы, 2012.

Український народ у Вітчизняній війні 1812 року : зб. документів / упор. В. І. Стрельський, Г. Ю. Гербільський. Київ : Укр. вид. політ. літ., 4-а респ. полігр. ф-ка, 1948.

Чайковский М. (Садък-паша). Записки // Киев. старина. 1891. Т. 32. № 1. С. 40–72.

Чуйкевич П. А. Примечания о Малороссии // вид. В. В. Кравченко // Схід — Захід : іст.-культурол. зб. Вип. 2. Харків, 1999. С. 204–211.

Юг [Херсон]. 23 декабря 1898. № 231.

AD (La Courneuve). Série «Mémoires et documents divers». Sous-série «Pologne». Vol. 28.

⁴ См. сообщение об этой иконе в докладе Георгия Скадовского [Юг, с. 3].

AN (Paris). Série «AF IV». Carton 1650.

Brandt H. Souvenirs d'un officier polonais: Scènes de la vie militaire en Espagne et en Russie (1808–1812). Paris : J. Charpentier, 1877.

GSPK (Berlin). III. HA. Ministerium der auswärtigen Angelegenheiten I. Nr. 4831.

Montesquiou de Fesensac A. R. Journal de la campagne de Russie en 1812. Tours : A. Mame, 1849.

Pils F. Journal de marche d'un grenadier (1804–1814). Paris : P. Ollendorff, 1895.

Исследования

Ададуров В. В. Юго-западные окраины Российской империи в иерархии приоритетов восточноевропейской политики Наполеона (историографический аспект) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 9. М., 2010. С. 359–397.

Ададуров В. В. Запорозький козак Твердовський проти Наполеона: Відображення вірнопідданих настроїв малоросійського дворянства в українському памфлеті 1807 р. з Національного архіву Франції // Укр. іст. журн. 2012. № 5. С. 177–186.

Ададуров В. В. Украинский казак на службе Людовика XV или польский шляхтич на службе двух королей: документальная деконструкция исследования И. Борщака о П. Г. Орлике // Французский ежегодник. 2014. № 1. С. 269–305.

Ададуров В. «Наполеонида» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західної частини Російської імперії на початку XIX століття. 2-е вид. Львів : УКУ, 2018.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 4. Ч. 2 : Князь Андрей Кириллович. СПб. : М. М. Стасюлевич, 1887.

Дашкевич Я. Р. Берлін, квітень 1791 р. Місія В. В. Капніста, її передісторія та історія // Укр. археогр. щорічник. Вип. 1. Київ, 1992. С. 220–260.

Дорошенко Д. Нарис історії України. Т. 2 : Від половини XVII століття. Мюнхен : Дніпрова хвиля, 1956.

Єфремов С. 1812-й рік на Україні // За рік 1912-й. Київ, 1913. С. 261–268.

Киселев В. С., Васильєва Т. А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 1 (27). С. 112–123.

Кравченко В. В. Україна напередодні російсько-французької війни 1812 р. очима сучасника // Схід — Захід : іст.-культурол. зб. Вип. 2. Харків, 1999. С. 98–203.

Левицкий О. Тревожные годы: Очерки из общественной и политической истории г. Киева и Юго-Западного края в 1811–1812 гг. // Киев. старина. 1892. Т. 39. № 11. С. 188–212.

Оглоблин О. Варлаам Шишацький // Люди старої України. Мюнхен : Дніпрова хвиля, 1959. С. 300–309.

Павловский И. Ф. Дела об государственной измене и нарушении общего спокойствия, производившиеся в Малороссии в 1807 г. // Киев. старина. 1903. Т. 83. № 12. С. 136–138.

Павловский И. Ф. Полтава: Исторический очерк ее как губернского города в эпоху управления генерал-губернаторами (1802–1856). Полтава : М. А. Дохман, 1910.

Плохий С. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій / пер. з англ. М. Климчук. Київ : Лаурус, 2013.

Полонська-Василенко Н. Історія України. Т. 2 : (Від половини XVII сторіччя до 1923 року). Мюнхен : Укр. вид., 1976.

Потрашков С. В. Украина в Отечественной войне 1812 года: внутренний аспект // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы : материалы VIII Всерос. науч. конф. Бородино, 6–7 сентября 1999 г. / [ред.-изд. совет: А. В. Горбунов (предс.) и др.]. Можайск : Терра, 2000. С. 208–217.

Троцький І. До історії революційного руху на Україні на початку XIX ст. // Прапор марксизму. 1930. № 2. С. 156–158.

Фролов В. В. Дискуссионные вопросы биографии атамана З. А. Чепиги // Четвертые кубанские литературно-исторические чтения : сб. науч. ст. / под науч. ред. В. К. Чумаченко. Краснодар : КГУКИ, 2003. С. 96–104.

Шандра В. Малоросійське генерал-губераторство 1802–1856: Функції, структура, архів. Київ : Держ. комітет архівів України, 2001.

Штена П. Московство, його походження, зміст, форми й історична тяглість. 4-е вид. Дрогобич : Відродження, 2003.

Borschak E. Napoléon et l'Ukraine // Revue des Études Napoléoniennes. 1935. Т. 41. No. 2. P. 13–14.

Joukovsky A. Histoire de l'Ukraine. Paris : Dauphin, 1993.

References

Adadurov, V. (2010). Yugo-zapadne okraini Rossiyskoi imperii v ierarhii prioritetov vostotchnoevropeyskoi politiki Napoleona (istoriograficheskiy aspekt) [The South-Western Borderlands of the Russian Empire in the Hierarchy of Napoleon's Eastern European Policy (Historiographical Aspect)]. *Epoha 1812 goda. Issledovaniya. Istorografiya*, 9, 359–305. (In Russian)

Adadurov, V. V. (2012). Zaporozhskiy kosak Tverdovskiy proty Napoleona: Vidobrazennia virnopiddanich nastroiiv malorosiyskogo dvorianstva v ukrainomovnomu pamfleti 1807 r. z Nacionalnogo archivu Franciyi [Zaporizhian Cossack Tverdovs'kyi against Napoleon: Reflection of the Loyal Sentiments of Little Russia in the Ukrainian Language Pamphlet of 1807 from the National Archives of France]. *Ukrainskiy istorichnyi jurnal*, 5, 177–186. (In Ukrainian)

Adadurov, V. V. (2014). Ukrainskii kasak na sluzbe Ludovika XV ili polskii shliachtitch na sluzbe dvuch koroley: Dokumentalnaia dekonstrukcia issledovaniya I. Borschaka o P. G. Orlike [A Ukrainian Cossack Serving Louis XV or a Polish Nobleman in the Service of Two Kings: Critical Revision of the Study by Ilko Borschak]. *Francuzskii ezhegodnik*, 1, 269–305. (In Russian)

Adadurov, V. V. (2018). “Napoleonida” na Shodi Europy: uyavleniia, proekty ta diyalnist' uriadu Francii stosovno pivdenno-zahidnoi chastiny Rossiyskoi imperii na pochatku XIX stolittia [The “Napoleonide” in the East of Europe: Perceptions, Projects, and Actions of the French Government as Regarded the South-Western Borders of the Russian Empire in the Early 19th Century] (2nd ed.). Lviv: UCU. (In Ukrainian)

Borschak, E. (1935). Napoléon et l'Ukraine. *Revue des Études Napoléoniennes*, 41, 2, 13–14. (In French)

Dashkevitch, J. R. (1992). Berlin, kviten' 1791 r. Misia V. V. Kapnist, ii peredistoria ta istoria [The Mission of Kapnist, Its Background and History]. *Ukrainskiy arheografichnyi choritchnyk*, 1, 220–260. (In Ukrainian)

Doroshenko, D. (1956). *Narys istorii Ukrainy* [Essay on the History of Ukraine] (Vol. 2). Munich: Dniprova kchvilia. (In Ukrainian)

Efremov, S. (1913). 1812 rik na Ukraini [1812 in Ukraine]. *Za rik 1912*, 261–268. (In Ukrainian)

Frolov, V. (2003). Diskussionnie voprosi biografii atamana Z. A. Tchepigi [Debatable Questions of the Biography of Ataman Z. A. Chepiga]. In V. K. Chumachenko (Ed.), *Tchetvertie kubanskie literaturno-istoricheskie tchtenia: sbornik nauchnich statei* [Fourth Kuban Literary and Historical Readings] (pp. 96–104). Krasnodar: KGUKI. (In Russian)

Joukovsky, A. (1993). *Histoire de l'Ukraine*. Paris: Dauphin. (In French)

Kiselev, V. S., & Vasilieva, T. A. (2014). Evolutsia obraza Ukrainy v imperskoi slovesnosti pervoi tchetverti XIX v.: regionalizm, etnografizm, politizatsia [The Evolution of the Image of Ukraine in the Imperial Literature of the First Quarter of the 19th Century: Regionalism, Ethnographism, Politicisation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologia*, 1, 112–123. (In Russian)

Kravtchenko, V. V. (1999). Ukraina naperedodni rosiysko-francuzkoyi viyni 1812 r. otchima sutchasnyka [Ukraine on the Eve of the Russian-French War of 1812 in the Eyes of a Contemporary]. *Skhyd – Zakhid*, 2, 198–203. (In Ukrainian)

Levicky, O. (1892). Trevoznie godi: Otcherki iz obschestvennoi i politicheskoi istorii g. Kieva i Yugo-Zapadnogo kraia v 1811–1812 gg. [Anxious Years: Essays from the Social and Political History of Kiev and South-Western Krai in 1811–1812]. *Kievskaiia starina*, 39, 11, 189–212. (In Russian)

Ogloblin, O. (1959). Varlaam Shichatsky. *Liudy staroi Ukrainy* (pp. 300–309). Munich: Dniprova kchvilia. (In Ukrainian)

Pavlovsky, I. F. (1903). Dela ob gosudarstvennoi izmene i narushenii obshego spokoistvia, proizvodivshiesia v Malorossii v 1807 g. [Investigations of Treason and Violation of General Peace in Little Russia in 1807]. *Kievskaiia starina*, 83, 12, 136–138. (In Russian)

Pavlovsky, I. F. (1910). *Poltava: Istoricheskiy otcherk ee kak gubernskogo goroda v epokhu upravleniia general-gubernatorami (1802–1856)* [Poltava: Historical Essay on It as a Provincial City in the Era of the Governor-generals (1802–1856)]. Poltava: M. A. Dohman. (In Russian)

Plokhyy, S. (2013). *Kozackiy mif: Istoria i naciitvorennia v epokhu imperiy* [The Cossack Myth. History and Nationhood in the Age of Empires] (M. Klymtchuk, Trans.). Kyiv: Laurus. (In Ukrainian)

Polonska-Vasylenko, N. (1976). *Istoria Ukrainy* [History of Ukraine] (Vol. 2). Munich: Ukrainske vydavnytstvo. (In Ukrainian)

Potrashkov, S. V. (2000). Ukraina v Otetchestvennoi voine 1812 goda: vnutrennii aspekt [Ukraine in the Patriotic War of 1812: Internal Aspect]. In A. V. Gorbunov et al. (Eds.), *Otetchestvennaia voina 1812 goda: Istotchniki. Pamiatniki. Problemy: materialy VIII vserossiyskoi nauchnoi konferencii. Borodino, 6–7 sentiabria 1999 g.* [Patriotic War of 1812: Sources. Monuments. Issues: Materials of the VIII All-Russian Scholarly Conf. Borodino, 6–7 September 1999] (pp. 208–217). Mozhaysk: Terra. (In Russian)

Shandra, V. (2001). *Malorosiyske general-gubernatorstvo 1802–1856: Funkcii, struktura, arkhiv* [Little Russian Governorate General: Functions, Structure, Archive]. Kyiv: Derzavniy komitet arkhiviv Ukrainy. (In Ukrainian)

Shtepa, P. (2003). *Moskovstvo, iogo pohodzennia, zmist, formy y istorytchna tiaglist'* [Muscovian Identity, Its Origin, Content, Forms, and Historical Continuity] (4th ed.). Drohobytch: Vidrozdennia. (In Ukrainian)

Trocky, I. (1930). Do istorii revoliuciynogo rukhu na Ukraini na potchatku XIX st. [On the History of the Revolutionary Movement in Ukraine in the Early 19th Century]. *Prapor marksyzmu*, 2, 156–158. (In Ukrainian)

Vasiltchikov, A. A. (1887). *Semeistvo Razumovskich* [The Family of Razumovsky] (Vol. 4, Pt. 2). St Petersburg: M. M. Stasulevitch. (In Russian)

Ададуrow Вадим Валентинович

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всемирной истории
Нового и Новейшего времени
Украинский католический университет
79026, Украина, Львов, ул. Козельницкая, 2а
E-mail: vad@ucu.edu.ua

Adadurov, Vadym Valentinovich

Dr. Hab. (History), Head of Department
of the World History of Modern
and Contemporary Times
Ukrainian Catholic University
2a, Kozelnytska Str., 79026 Lviv, Ukraine
Email: vad@ucu.edu.ua